

«ПАРАДОКС МОНЕТАРНОГО ШЕСТА»

Дж. Мэйнстринг (1918–2007)

Дж. Мэйнстринг — предтеча раннего американского институционализма, был страстным поклонником циркового искусства. Он даже переписывался с Александром Куприным, известным русским писателем, также в юности увлекавшимся цирком.

Впервые публикуемый на русском языке фрагмент лекции Дж. Мэйнстринга перед воротилами Уолл-Стрита (29 сентября 1929 года) оказался тщетным предостережением мэтра накануне Великой Депрессии.

Оригинальность лекции, в которой автор проводил удачные параллели между экономикой и цирком, снискала ее автору небывалую популярность среди американских экономистов и может быть полезна отечественным экономистам даже спустя век с момента ее появления в журнале «Circus arts in the province».

Леди и джентльмены!
Экономистам свойственно уподоблять экономику Океану, Космосу и даже — Вселенной.

Однако я бы счел более верным сравнение с... цирком.

Вот еще, скажете Вы, это же так вульгарно.

Отнюдь!

Призовите на помощь свои воспоминания о цирковом представлении, и Вы увидите, что цирк — идеальная модель современной экономики.

1. Строение цирка — архитектурная экономика?

Устройство циркового здания удивительно совпадает со строением экономики.

Действительно, — арена очерчивает жесткие границы размещения активных участников рыночного представления («сферы общественного производства»). И, что важно, — арена всегда будет главным пространственным элементом цирка.

Еще одно сходство, — все, что продельвают артисты на цирковой арене, повторяется и в общественном производстве — часть предприятий занята «инновационной вольтижировкой», другая — «бухгалтерской эквилибристикой», третья ведет себя как «дикие животные», которых приходится укрощать высокими налогами или особыми преференциями, наконец, есть немало фирм-однодневок, участвующих в «фокусах отмывания».

Зато все, что находится за пределами арены, — «непроизводственная сфера». И то сказать, — именно вокруг арены сидят заинтересованные «зрители», то есть потребители, которым не суждено (временно или постоянно) выйти на арену в роли «артистов», то бишь непосредственных участников общественного производства.

Зрители фактически рассажены по категориальным секторам — пенсионеры, домохозяйки, школьники и студенты, нетрудоспособные, военнослужащие, маргиналы.

И трудно сказать, кто важнее, — представляющие действие на арене или зрители, аплодирующие купюрами различного достоинства.

2. Цирк во времена экономического кризиса.

Обычное течение циркового представления (которое мы можем смело сравнить с обычным процессом производства) происходит при чинном рассаживании зрителей согласно купленным билетам, запрете для них выхода на арену.

Яркое освещение дополняет атмосферу праздничности.

По-другому выглядит цирк во времена экономического кризиса — артисты взволнованно то убегают с арены, то впрыгивают обратно; зрители все чаще прорываются на арену, пытаются отколоть особенно плохо выступающих артистов; арена подолгу погружается во тьму; слышны вопли о помощи со стороны артистов и зрителей.

Уже никто не понимает, где арена, а где зрительный зал; многие из публики начинают брать на себя роль артистов (организуя собственное «доморощенное» производство).

Появляется директор цирка и с помощью служителей наводит временный порядок.

Однако его действия осложнены тем, что многие зрители проникли в зал по фальшивым билетам («инфляционная эмиссия»).

3. Парадокс «монетарного шеста».

Господа, все многообразие экономических феноменов можно свести к трем номерам китайского цирка, когда-то гастролировавшего у нас по городкам Северной Дакоты. Эти номера я видел своими глазами в детстве, и они запали в душу ребенка. Позвольте же привести примеры из моей недавней монографии «Европейский цирк как институциональная рефлексия рыночной экономики».

«ТРИ КРУГА КИТАЙСКИХ НОЖЕЙ»

Итак, первый номер, о котором необходимо всегда помнить «работникам Уолл-Стрита», особенно актуален перед надвигающейся экономической бурей, хотя многие мои коллеги отрицают всякую опасность¹.

Так вот, — представьте себе три больших круга, утыканных острейшими ножами, так, что их концы образуют круг.

Теперь представьте себе, что центральный круг стоит неподвижно, а два крайних беспрерывно движутся навстречу друг другу.

За движением крайних кругов напряженно наблюдает артист.

И в тот миг, когда все три круга сливаются в некое единое «троекружье», он разбегается и пронизывает в мгновении прыжке все три круга, так как в следующий момент они расходятся, угрожая перерезать замешкавшегося акробата.

Вы будете поражены, но именно так и устроена национальная экономика любой страны.

Первый «бегающий» круг — это экономическая теория, которая пытается динамично отразить объективные изменения, происходящие в экономической практике.

Второй «бегающий» круг — это экономическая практика, которая изменяется гораздо быстрее, чем вечно запаздывающая «динамичная» экономическая теория.

Они разделены неподвижным кругом, который олицетворяет экономическую политику. Я полагаю, что разумный слушатель согласится с тем, что экономическая политика — промежуточное звено между экономической теорией и экономической практикой.

И чем дальше расходятся крайние круги, тем это опаснее для постоянно прыгающего через все эти круги общества.

А в моменты, когда общество прыгает не вовремя, его и вовсе разрезает — экономическим и политическим кризисом.

(крики — «Браво!», «Прыгнем через кризис!», «Нас уже разрезали!»)

«ДВЕ ЧАШКИ КИТАЙСКОГО ЧАЯ»

Другой удивительный номер — артистка выходит на середину арены, осторожно неся на шелковом шнуре две полные чашки китайского чая.

Она начинает осторожно перебирать этот шнур, быстрее, еще быстрее, еще и — понеслось, обе чашки летят с такой скоростью, что ни одна капля чая не выливается из чашки.

Что-то в этом роде представляет собой рыночная экономика, со всеми ее технологиями и институтами, — в реальной, динамично развивающейся рыночной системе ни один элемент не может совершать самостоятельный кругооборот!

(крики — «Браво!», «Выплесните меня из чашки!», «Где моя чашка?»)

«ПАРАДОКС ЕДИНОГО МОНЕТАРНОГО ШЕСТА»

Для Вас, могущественных представителей всесильного Уолл-Стрита, ближе парадокс «монетарного шеста».

¹ Блестящая интуиция Мэйнстринга просто поразительна — ровно через месяц грянула Великая Депрессия (прим. переводч.).

Если вы следили за канатоходцем, то помните шест, с помощью которого он восстанавливает пошатнувшееся равновесие.

Теперь вообразите, что по канату идет одновременно множество канатоходцев, и каждый — со своим шестом, сообразно своему росту и весу.

Так вот, в финансовом отношении любая агрегация — это, прежде всего, проблема выбора шеста. На днях я читал статью известного российского революционера Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы». И я предсказываю, что, если когда-нибудь европейские страны объединятся, то для них выбор «шеста», с помощью которого они будут удерживать равновесие между товарной и денежной массами, превратится в главную проблему.

Но то же — и с нашим американским долларом в качестве мировой валюты: мы умудрились «внутринациональный шест» монетарного равновесия возвести в «глобальный». И в этом есть свои плюсы и минусы.

В конце концов, инструментарий регулирования рыночной экономики сведется к выбору и маневрированию «монетарным шестом». Спасибо за внимание!

(крики — «Браво!», «Дайте мне мой шест!», «У меня сник канат!»)